

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма¹

Л.М. ДРОБИЖЕВА*

***Леокадия Михайловна Дробижева** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН; профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Цитирование: Дробижева Л.М. (2017) Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31

В данной статье исследуется понимание российской гражданской идентичности как в массовом общественном сознании, так и экспертами, занимающимися этнонациональной проблематикой. Автор разделяет гражданскую идентичность на категориальную и ассоциативную, консолидирующую, идентичность, основанную на ощущении сильной связи с гражданами России. Изучается связь консолидирующей идентичности, присутствующей примерно у трети отождествляющих себя с гражданами России людей, с межэтническим негативизмом. Установлено, что она практически не снимает эмоциональную предубежденность, касающуюся абстрактных «иных», но позитивно влияет на отношение к непосредственному межэтническому общению в трудовой и неформальной сферах, когда действуют рациональные и регулятивные составляющие установок и идентичности. Положительный эффект гражданской идентичности в большей степени проявляется в регионах, где межэтническое общение в повседневной практике сложилось исторически; сравниваются московская агломерация и Астраханская область. Препятствием для позитивного воздействия гражданской идентичности является отсутствие в массовом сознании четкого и полного представления о самом феномене гражданской идентичности и политической нации, что отражено в интервью экспертов из образовательной, научной и журналистской сфер деятельности.

Исследование базируется на данных общероссийских опросов в 2014–2016 гг.: 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE), мониторинговых исследованиях Института социологии РАН (3-я и 4-я волны) и региональных опросах Отдела этносоциологии ИС РАН в Москве, Московской, Астраханской,

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (грант № 14-18-01963).

Калининградской областях, Ставропольском крае, Республиках Карелия и Саха (Якутия) в 2014–2016 гг. по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии»

Ключевые слова: гражданская идентичность, российская идентичность, государственно-гражданская идентичность, этнический негативизм, межэтнические установки, межэтническое согласие, межэтнические отношения, толерантность

Социальная и культурная сложность общества, подвижность маркеров воображаемых границ, по которым люди могут выстраивать солидарности, стимулируют поиски коалиций и механизмов, способствующих восприятию мира и жизни в условиях разнообразия культур и человеческих связей. К таким коалициям относится гражданская идентичность, исследованием которой заняты социологи, этнологи, политологи и психологи. Ракурс социологического изучения направлен на восприятие обществом в его социально-демографическом, этнокультурном и локальном разнообразии идеологием, представлений, ценностей, норм поведения и связей, формируемых в концепте гражданской идентичности.

Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве. Как и в других коллективных идентичностях в ней содержатся когнитивные, эмоциональные и регулятивные составляющие, и для гражданской идентичности характерны именно деятельностные компоненты. Мы обращаем на это внимание, поскольку есть исследователи, которые в этом случае акцентируют прежде всего лояльность государству и признание государства «своим» [Тишков 2013, с. 64, 66–67, 105–106].

Исследования, проведенные нами в 2011–2012 гг., фиксировали доминирование в представлениях россиян о гражданской идентичности объединительной роли государства. На вопрос «что больше всего объединяет Вас с гражданами страны?» 75–80% респондентов в республиках Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) ответили «общее государство». На общероссийских выборках в мониторинговых опросах ИС РАН в 2015 г. 66% респондентов также сделали этот выбор [Дробижева 2013], что дало основания характеризовать общероссийскую идентичность как государственно-гражданскую, многовариантную в своих проявлениях с диффузными контурами между ними.

Ричард Дженкинс предложил различать следующие идентичности: номинальные, «действительные», приписываемые извне, и идентичности изнутри, выражающиеся в ассоциации с коллективным именем [Jenkins 2008]. Изучая общероссийскую идентичность, мы акцентировали фокус внимания на ее функциональной нагрузке, выделяя категориальную идентичность (отождествление себя с гражданами России) и ассоциативную (выбор позиций «ощущаю сильную связь» или «часто ощущаю связь с гражданами России»). Поскольку понятие «ассоциативная идентичность» малопривычный термин, можно назвать эту идентичность консолидированной: при таком типе идентичности люди осознают значимую связь с гражданами страны и готовность действовать во имя общих интересов. В дальнейшем анализе мы будем вести речь именно о такой гражданской идентичности.

Проблема состоит в том, насколько эта идентичность действительно способна объединить социально и этнически дифференцированное общество и насколько она может смягчать межэтнические противоречия, этнический негативизм

визм (негативное восприятие этнического разнообразия). Так, мы наблюдали опыт британской идентичности, которая смягчила постколониальную ситуацию, но не спасла от североирландского конфликта, а опасения нового притока мигрантов стали одним из стимулов выхода Великобритании из ЕС. Кроме этого, и ситуация во Франции с ее сформированной политической нацией демонстрирует, что она пережила и эксцессы с горящими машинами, и массовые террористические атаки.

Наши исследования показывали, что те респонденты, которые отвечали, что чувствуют себя больше россиянами, чем людьми своей национальности, тем не менее не отличались высокой лояльностью к «иным»: 68% признались, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям отдельных национальностей [Двадцать лет реформ глазами россиян 2011].

Тем не менее энтузиазм разных политических сил в формировании российской политической нации и гражданской идентичности не исчезает. Есть ли для этого основания? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к теории интеграции, поскольку именно гражданская идентичность – один из индикаторов этого процесса.

Классические подходы к интеграции социально-культурного пространства

Последние два десятилетия в российской науке в силу исторических обстоятельств, связанных с распадом СССР, академический интерес концентрировался на проблемах межэтнических конфликтов и дезинтеграционных процессах, но к середине 2010-х гг. возникла потребность в разработке концепций консолидации и интеграции полиэтнического пространства России. Так, в официальных документах (Посланиях Президента Федеральному Собранию, Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., Стратегии национальной безопасности России, Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г.) особое внимание стало уделяться идеологемам единства российской нации, гражданской идентичности, интеграции и консолидации.

Строительство российской нации – процесс весьма разносторонний. В связи с этим становится очевидным, что это не только выстраивание государством соответствующих институтов, формулирование и распространение идеологием российского народа, его исторических оснований и базовых ценностей, но и освоение живущими в стране людьми гражданских ценностей и норм поведения, горизонтальных связей между гражданами различных национальностей, формирование у них ощущения общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве, гражданской идентичности.

Следует отметить, что в западной науке существует несколько десятков различных теорий, затрагивающих интеграционные процессы, без которых не могут складываться политические нации [Картунов 1999, с. 217–227]. При этом в последнее время и за рубежом, и в России концепция интеграции зачастую рассматривается именно в связи с культурной адаптацией и социально-политическим включением мигрантов в принимающее общество.

Мы специально остановимся на анализе интеграции не только потому, что считаем важным не сводить понятие о ней исключительно к взаимодействию принимающего общества и мигрантов, но и потому, что гражданская идентичность отражает интегрированность социального и полиэтнического пространства страны

в целом, то есть не только прибывающих мигрантов, но и всех людей разных национальностей.

Согласно Э.А. Паину, наиболее фундаментальными являются следующие концепции [Паин 2004]:

- коммуникативная концепция, которая связывается прежде всего с именем Карла Дейча, утверждавшего, что увеличение объемов и разнообразия контактов, связей и обменов между группами в большей степени, чем другие факторы, стимулирует их объединение на межнациональном, межкультурном уровне;
- функциональная (или неофункциональная) концепция, главные принципы которой были сформулированы в 1920–1930-е гг. Б. Малиновским и А. Редклифом-Брауном и развиты в 1950-е гг. Т. Парсонсом. Согласно ей, основные предпосылки интеграции состоят в месте и роли этнополитических факторов в социальных взаимодействиях и тех функциях, которые определяют интересы участников интеграции и их ценностные предпочтения [Parsons 1991];
- нормативно-ценностная концепция, основы которой были заложены М. Вебером, концентрирует внимание на культурном взаимодействии групп, сближении их ценностей и выработке единых представлений («массовых субъективных убеждений», «субъективной веры») и норм поведения [Weber 1968, V. 1, p. 389].

Необходимо особо подчеркнуть, что в этих концепциях содержатся те идеи и доказательства, которые помогают сформировать эмпирический материал и выбрать те направления анализа, которые позволят рассмотреть связи гражданской идентичности и межэтнических установок в коммуникативном процессе.

Идеи М. Вебера о коллективных представлениях, убеждениях, ценностях дают основания для понимания осознаваемой идентичности, которая может стать опорой интеграции людей в сообществе. Также этнополитологам конструктивистского направления и автору импонирует мысль американского историка Карлтона Хэйеса: «Возможно, то, что каждая группа думает о себе, так же важно, как и то, что она есть на самом деле» [Hayesc 1966, p. 18]. В России интерес к М. Веберу и К. Хэйесу начал проявляться в условиях национальных движений и их последствий в 1990-е гг., но он не может быть утерян и в наше время, особенно в условиях, когда мы становимся свидетелями последствий мощного воздействия СМИ на представления широких масс. У М. Вебера есть и другой редко воспроизводимый тезис: общая цель, объединяющая людей в нацию, выражается в стремлении создать собственное государство. Об этом впоследствии напишет и Эрнест Геллнер [Геллнер 1991].

Как было показано на эмпирических материалах, на данном историческом этапе российское гражданское сознание по своему содержанию является в доминирующей части именно государственно-гражданским [Дробижева 2013]. Функциональная (неофункциональная) концепция подхода к интеграции способствует пониманию механизма ее формирования. На наш взгляд, прежде всего общие интересы помогают соединить социально и этнически различающихся людей и смягчить их предубеждения. И, наконец, наиболее близкая к теме коммуникативная концепция ориентирует нас на включение в рассмотрение разнообразных контактов. Как известно, К. Дейч был сторонником информационной концепции наций и считал, что как воображаемые сообщества они скрепляют людей общими представлениями и «общей нелюбовью к своим соседям» [Deutsch 1969, p. 3]².

² Есть разные мнения о том, скрепляет ли эта нелюбовь (т.е. негативная идентичность) или разрушает интегрированность общества [Гудков 2004].

В этой концепции важны представления об отношениях между обществом и государством. Политическая нация – это народ, овладевший государством, а идентичность – это осознание политического сообщества людьми разных национальностей, которое сглаживает представляемые границы (по Ф. Барту), а не различия между людьми.

Во всяком случае, очевидно, что, если мы стремимся понять инструменты снижения напряженности и интеграции полиэтнического пространства страны, без учета теории контакта и без осознания опыта проведенных на ее основе исследований не обойтись. Данная теория появилась в США в качестве ответа на потребности общества в ослаблении расизма и как необходимость найти пути к интеграции в поликультурном пространстве. Довольно полный обзор литературы по теории контакта дан в недавно вышедшей статье Е.А. Варшавера [Варшавер 2015]. Использование теории контакта в России было наиболее удачным в исследованиях Н.М. Лебедевой, Ю.С. Смирновой, О.Е. Хухлаева [Лебедева 2003; Смирнова 2007; Хухлаев 2009].

В этносоциологических исследованиях межэтнических установок и стереотипов мы также опирались на выводы Г. Оллпорта [Allport 1954 (1979), p. 537] об оптимальных условиях контакта, проверяли их и корректировали³. Помимо этого, были подтверждены мнения о значимости длительности контакта для снятия предубеждений в условиях общих интересов.

О факторах, поддерживающих позитивные межэтнические установки

Выводы Г. Оллпорта проверялись многими зарубежными исследователями, в том числе и его последователями Т. Петтигрю, Г. Ходсоном и М. Хьюстоном [Hodson, Hewston 2012]⁴.

Обобщая исследования переменных, объясняющих этнические предубеждения в разных странах и в многообразных этнокультурных и политических контекстах, Т. Петтигрю и Л. Тропп [Pettigrew, Tropp 2011] выделили следующие:

- переменные социального контекста (величина населенного пункта, численность населения, процент мигрантов, уровень образования населения, уровень безработицы);
- показатели, характеризующие социальные, социально–демографические позиции контактирующих групп;
- политические переменные (авторитаризм или ориентация на доминирование);
- персональные переменные;
- переменные, связанные с идентичностью;
- показатели, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу и относящиеся к персональному опыту [Pettigrew, Tropp 2011, pp.156–171].

Обратим внимание на то, что в разных странах при условии многотипности контактов действие переменных оказывалось не одинаковым: например, в одних исследованиях устанавливалось, что чем старше человек, тем чаще он подвержен стереотипам (на европейских и американских материалах); в других научных

---

³ В частности, было установлено, что движение к равностатусному контакту обостряет конкуренцию и даже (если реально она отсутствует, но есть представление об ней) повышает уровень этнического негативизма [Дробизева 2002].

⁴ Г. Ходсон и М. Хьюстон подсчитали, что с 2006 по 2010 г. по теории контакта было опубликовано около 300 работ [Hodson, Hewston 2012, p. 6].

работах обнаруживались более сложные зависимости. Например, исследование под руководством Дж. Джексона также зафиксировало значительную предубежденность к мигрантам у представителей старшего поколения, но в Великобритании взаимосвязь имела противоположный вектор [*Jackson, Brown, Brown, Marks 2001*]. Подобная ситуация была отмечена и с такой переменной, как субъективная и объективная оценка благосостояния, которая выявляла взаимозависимость (хотя и не во всех исследованиях). Это объясняет интерес к анализу влияния факторов в разных странах и социально-культурных контекстах.

Судя по результатам проекта Т. Петтигрю и Л. Тропп, реализованного в странах ЕС и Канаде, связь негативных стереотипов с политическим консерватизмом более устойчиво прослеживалась на макро- и мезоуровнях, а среди личностных характеристик фиксировалась взаимозависимость предрассудков и ориентации на социальное доминирование (установка на равенство/неравенство групп в обществе): так, западные ученые установили, что все включенные измерители предрассудка (в том числе по отношению к мигрантам и другим аут группам) оказались связанными с авторитаризмом на индивидуальном уровне [*Pettigrew, Tropp 2011, pp. 156–171*].

Также интересны результаты анализа переменных, касающихся коллективной идентичности. Т. Петтигрю и Л. Тропп констатировали, что значимая национальная идентичность у немцев связана с негативным отношением к мигрантам и живущим в Германии иностранцам, идентификация же с Европейским Сообществом, наоборот, позитивно влияет на отношение к аут группам. Однако у немцев их национальную идентичность трудно интерпретировать как надэтническую: она чаще всего совпадает с этнической. В этом отношении для России наиболее достойным вниманием представляется исследование, проведенное в Бельгии Б. Мейденсом и его коллегами об интеграции фламаноязычных и франкоязычных регионов: в этой работе была установлена прямая связь между идентификацией со страной и отношением к мигрантам [*Варшавер 2015*].

Обычно отечественные эксперты исходят из позитивного влияния общегражданской идентичности на снятие этнического негативизма и этнической мобилизации.

Теперь, когда стало очевидно, что не только российский, но и обобщенный зарубежный опыт подтверждает подвижность и изменчивость влияния одних и тех же факторов в различных социально-политических и этноконтактных средах, мы попытаемся проанализировать направление взаимосвязи российской государственно-гражданской идентичности и межэтнических установок.

О российской гражданской идентичности

Мы не случайно акцентировали внимание на консолидаторах российской государственно-гражданской идентичности, отражающей еще не сформировавшееся до конца гражданское общество. Тем не менее в российской идентичности его элементы все же присутствуют, и опросы позволяют зафиксировать степень их влияния на ослабление предубеждений. Для анализа мы использовали три массива информации:

- результаты исследований 24-й волны мониторинга экономического положения и здоровья населения⁵;

⁵ В 2015–2016 гг. в рамках 24-й волны RLMS-HSE (<http://www.hse.ru/nlms>); выборка 15118 респондентов в 39 регионах РФ. Модель выборки см. <https://www.hse.ru/flms/sample/>. Вопрос в исследовании под руководством М.Ф. Черныша был включен по инициативе автора статьи.

- результаты исследований 4-й волны 2016 г. мониторинга ИС РАН⁶;
- результаты проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» Отдела этнической социологии ИС РАН⁷.

В исследовании по российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения (RLMZ-HSE) вопрос об идентичностях ставился в формулировке В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: “Это мы”? Как часто Вы ощущаете близость?...». И далее шел набор коллективностей: «с людьми Вашего поколения», «возраста», «профессии», «со всеми гражданами России», «жителями края, республики», «города, села», «с людьми Вашей национальности», «с людьми такого же достатка, что и Вы», «с людьми, близкими Вам по политическим взглядам», «с людьми Вашей веры» «богатыми и бедными людьми». Респонденту предлагалось солидаризироваться с позициями «часто», «иногда», «никогда». В такой же формулировке задавался вопрос в мониторинговом исследовании ИС РАН.

В исследовании «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» на вопрос «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России (и другими коллективностями)?» респондентов просили ответить в формулировках: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости», «затрудняюсь ответить».

Если в первом исследовании фиксировались категориальная российская идентичность (кто просто отождествляет себя со «всеми гражданами России») и актуальная идентичность (кто часто ощущает близость с гражданами России), то во втором и третьем исследованиях в ответах отмечались категориальная идентичность и ассоциативные связи (присоединение, стремление быть вместе с другими), повторяющие друг друга не точно, но являющиеся сопоставимыми, поскольку в актуальной идентичности стремление и потребность в присоединении тоже присутствуют.

Для выяснения взаимосвязи гражданской идентичности с ослаблением этнических предубеждений в качестве переменной наиболее продуктивным представлялся анализ именно ассоциативной (или актуальной) идентичности. На значимость такого подхода обратил внимание Р. Дженкинс, разрабатывая идею различия между номинальной, «действительной», приписываемой извне идентичностью, и идентичностью изнутри. Именно последняя, как он считал, выражается в ассоциации с коллективным именем [Jenkins 2008, p. 207].

В понимании идентичности мы опирались на теорию Г. Теджфела и Дж. Тернера о категоризации как свойстве социального сравнения в восприятии человека [Tajfel, Turner 1986], концепцию Д.Г. Мида о формировании идентичности в процессе взаимодействия с другими [Mead 1934], на выводы Э. Эриксона об идентичности как самоотождествлении на социально-культурной основе, связанной с идеологией [Erikson 1956; Erikson 1963].

⁶ Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах» под руководством академика М.К. Горшкова; выборочная совокупность 4 тыс. респондентов в 49 субъектах РФ.

⁷ Проект РНФ № 14-18-01963 под руководством Л.М. Дробижевой, реализован в Москве, Московской, Астраханской, Калининградской областях, Республиках Карелия, Саха (Якутия) и Ставропольском крае. В каждом субъекте Российской Федерации репрезентативная выборка включала 1999–1200 единиц наблюдения. Используются также интервью экспертов (52 чел.).

Исследования показывают, что российская гражданская идентичность является широко распространенной: по данным последних опросов RLMS-HSE в 2013–2015 гг., 75–80% респондентов ощущали близость с гражданами России. Согласно результатам исследований RLMS-HSE и общероссийских опросов ИС РАН (3-я волна 2015 г.), российская идентичность была одной из наиболее распространенных коллективных идентичностей, но в их иерархии не приоритетной. Приведем данные первого исследования по ряду показателей (*таблица 1*).

Таблица 1. Гражданская идентичность среди других коллективных идентичностей. Ответы на вопрос «О ком Вы можете сказать: “Это мы”», % опрошенных

Ощущение связи, единства	Интенсивность идентификаций			
	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняюсь с ответом
С людьми Вашего поколения	62	33	3	2
С людьми той же профессии, рода занятий	55	33	7	5
Со всеми гражданами России	26	49	14	11
С жителями Вашего края, республики, области	31	50	10	9
С теми, кто живет в том же городе, селе	43	47	5	5
С людьми Вашей национальности	48	43	4	5
С людьми того же достатка, что и Вы	47	41	6	6
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	29	39	16	15

Как видно из *таблицы 1*, более массовыми были поколенческие, поселенческие идентичности и идентичность по достатку и профессии, то есть идентичности, постоянно ощущаемые людьми в повседневной жизни. Из более абстрактных особой значимостью с 1990-х гг. выделяется этническая идентичность, что связано с ростом этнического самосознания, в том числе у русских, составляющих большинство населения страны. Российская идентичность, конструируемая в сознании людей, фиксируется несколько в меньшей степени, так же, как ощущение близости с людьми по политическим взглядам. Различия в распространенности других категориальных коллективных идентичностей в сравнении с российской идентичностью составляют 13–20 процентных пунктов, но если брать в территориальных измерениях (край, республика, область) – всего 6 процентных пунктов. Однако нам важно соразмерить ассоциативную идентичность, которая в данном исследовании фиксировалась как актуальная и устанавливалась количеством респондентов, «часто» ощущающих близость с названными категориями.

В 2015 г. доля людей с актуальной (ассоциативной) идентичностью и по данным RLMS-HSE, и по результатам мониторинговых исследований ИС РАН (3-я волна) достигала 26–31% и была соразмерной прежде всего с макрорегио-

нальной идентичностью и идентичностью по политическим взглядам (26, 31, 29% соответственно), что подтверждает верность интерпретации гражданской идентичности в качестве отражения политической нации.

Было установлено, что респонденты с актуальной российской идентичностью образованнее и несколько моложе, чем не ассоциирующие себя с гражданами России. Среди них больше людей, проживающих в областных центрах (46 и 34% соответственно) и доверяющих окружающим людям: доля не доверяющих людям своей национальности оказалась вдвое меньше, а доля доверяющих людям других национальностей – почти вдвое больше, чем среди не чувствующих себя связанными с гражданами России.

В 4-й волне общероссийского мониторингового исследования ИС РАН (2016 г.) респондентов просили выразить свое отношение («согласен» или «не согласен») с суждением: «В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». Мы отдавали себе отчет в том, что понимание общероссийской нации достаточно сложно и для многих непривычно. Однако в связке «общероссийской» в том или другом значении её воспринимают как общероссийскую общность, и в этом смысле ответ на этот вопрос в чем-то может корреспондировать с ответами на вопрос об ощущении связи с гражданами России. Среди положительно ответивших на этот вопрос отбирались только те респонденты, которые были полностью согласны с тем, что необходимо ощущать себя частью общероссийской нации (т.е. респонденты с условно ассоциированной идентичностью). И, в соответствии с имеющимися в 4-й волне мониторинга ИС РАН данными, можно дополнить характеристику россиян с ассоциированной или консолидированной сильной гражданской идентичностью. Они практически не отличаются ни своими державническими настроениями, ни демократическими ориентациями от тех, кто не считает себя частью общероссийской нации (таблица 2). Половина из них уверена в том, что Россия должна стать великой державой с мощными Вооруженными Силами; более 60% (на 14 процентных пунктов больше, чем не ассоциированных с российской нацией) поддерживают воссоединение Крыма с Россией; и большинство полагает, что Россия должна быть демократическим государством с современной экономикой.

Таблица 2. Представления о пути России у граждан с ассоциированной российской идентичностью и не ассоциирующих себя с ней, % опрошенных (мониторинг ИС РАН, 4-я волна, 2016 г.)

Безусловно и скорее согласны с суждениями	В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации	
	Полностью согласен	Скорее и совсем не согласен
Россия должна быть великой державой с мощными Вооруженными Силами и влиять на политические процессы в мире	56	51
Воссоединение Крыма с Россией повлияло на жизнь страны в лучшую сторону	65	51
Россия должна двигаться вперед к современной экономике и образу жизни, такому же, как в Европе	66	60
Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности	61	58

Респонденты, полагающие, что человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации, были более уверены в том, что в перспективе путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты, и доверяют государственным институтам (рисунк 1).

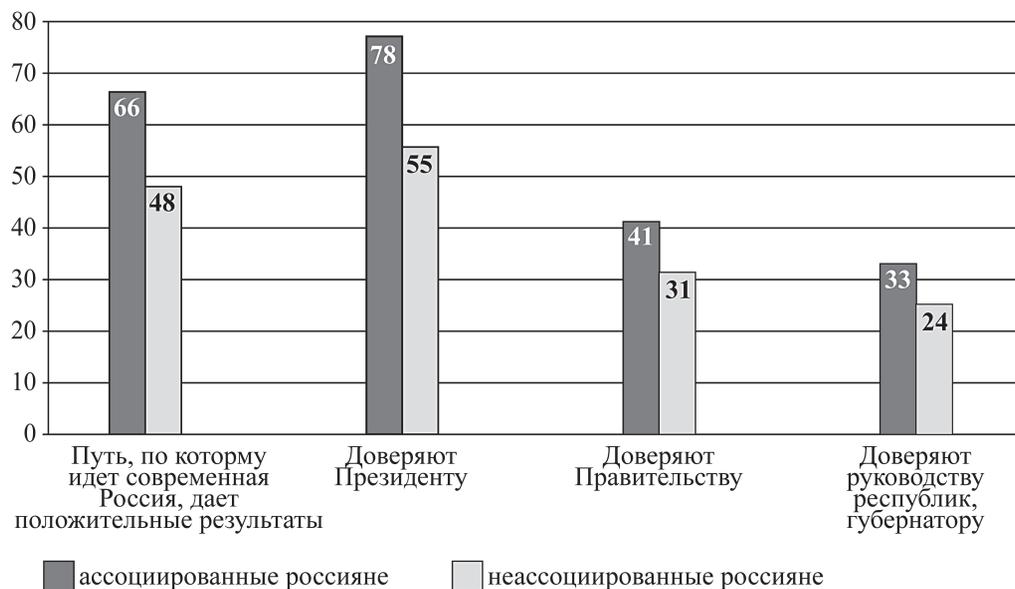

Рисунок 1. Поддержка институтов власти теми, кто ассоциируют себя с российской нацией и не ассоциирующих себя с ней (мониторинг ИС РАН, 4-я волна, 2016 г.), % опрошенных

Исследования показали, что граждане с установкой на ассоциированность с российской нацией не индифферентны к своей национальности: среди них (и прежде всего среди русских) преобладающая часть (64%) считает, что «государство должно поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения в стране – русских» (среди не ассоциирующих себя с российской нацией – 51%). Однако при этом они не склонны к этноизоляции: 81% полагает, что «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов» (среди не ассоциирующих себя с российской нацией – 62%).

Россияне с актуальной российской идентичностью (RLMS-HSE) и с установкой на ассоциированность с общероссийской нацией (мониторинг ИС РАН) чаще оценивают межнациональные отношения в своем городе/селе как нормальные или доброжелательные и спокойные⁸. Тем не менее наблюдались и некоторые различия в эмоциональных и рациональных компонентах идентичности у русских и нерусских респондентов: так, русские, считающие обязательным

⁸ Различие с не ассоциирующими себя с гражданами России, российской нацией составляет 10–16 процентных пунктов.

быть частью российской нации, чаще говорили о чувстве любви к России (80%), а в среде людей других национальностей в качестве солидаризирующего чувства чаще упоминалась гордость за Россию. Абсолютное большинство (88%) считало недопустимым насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах (на 15 процентных пунктов больше, чем среди не ассоциирующих себя с российской нацией).

Итак, судя по массовым опросам, российская идентичность и ассоциированность с российской нацией значимо связаны с доверием к власти, солидаризацией с выбором пути, по которому идет Россия, но в то же время они не отличаются выраженной ориентацией на демократическое политическое развитие, выбором развития, основанного на движении к современной экономике и европейскому образу жизни. При этом не просматривается значимой связи включенности или не-включенности в общероссийскую нацию с враждебностью по отношению к людям другой национальности.

Для того чтобы понять, с чем это связано, необходимо проанализировать глубинные интервью, в которых мы спрашивали экспертов, как они понимают, что респонденты могли бы вкладывать в понятия «мы – граждане России», «мы – российская нация». Анализ глубинных интервью с экспертами⁹ показал, что далеко не все имеют теоретические представления, что такое политическая гражданская нация.

Наши эксперты, среди которых были и общественные активисты из национально-культурных автономий (НКА), и журналисты, пишущие по этнонациональной тематике, и специалисты, изучающие идентичности и межэтнические отношения, достаточно четко поделились на скептиков, тех, кто имел неформальное, расплывчатое представление о российской идентичности, и на тех, кто, наоборот, демонстрировал определенное научное понимание относительно этой идентичности, видел ее значимость для общества и риски ее несформированности. Ниже приводятся высказывания, наиболее типичные для трех выделенных групп.

На наш вопрос «Как Вы считаете, в каком значении наши граждане воспринимают понятие “мы – граждане России”, “мы – общероссийская нация”?» скептики прямо отвечали:

«Мне трудно предположить, каким образом она конструируется, потому что, на мой взгляд, она не существует просто в принципе... Понятие это очень расплывчатое. И мне трудно предположить, что люди могут под этим подразумевать... Может, ничего, кроме общего телевизора, нас не связывает. Российская гражданская нация сильно преувеличена. Для этнических русских – это знак лояльности по отношению к государству, которое этнические русские по инерции считают своим государством. “Зачем мы все вместе, какие у нас цели и ценности” – ни на один из этих вопросов ответов нет...» (профессиональный журналист, Москва).

«Это конвенциональное определение – никакая это не российская идентичность, мы так договорились, что будем использовать этот индикатор, чтобы судить о том, является ли российская идентичность действительно доминирующей»¹⁰ (социолог-аналитик, специалист в области экстремальной социологии, Москва).

⁹ По проекту РНФ № 14-18-01963 было взято 52 интервью, по проекту ИС РАН (4-я волна) – 20 интервью.

¹⁰ Подобное мнение было единственным.

В опросе участвовали и эксперты, имевшие расплывчатые представления о российской идентичности и гражданской нации и сожалевшие об этом.

«Понимания того, что мы живем в единой стране, к сожалению, недостаточно. В массовом сознании понятие общероссийской нации весьма расплывчато, оно не сформировалось. Одни понимают ее как политическую нацию. Само слово “нация”, по моим представлениям, вызывает у массового читателя, зрителя, обывателя некую настороженность, потому что это как-то ассоциируется с понятиями “национализм”, “нацизм” и т.п. Это где-то в подсознании. Во многом это от времени “парада суверенитетов”. Теперь кто-то из наших активистов НКО, объединений, автономий стремится как раз к формированию общей идентичности, отдать часть себя на все-российскую общность» (специалист, работающий с общественными объединениями, Москва).

Очевидно, что эксперты связывали российскую нацию с ее конкретными составляющими, прежде всего с государственностью.

«Хотят признать себя россиянами, значит, частью государства. Я не думаю, что у нас найдется много людей, кто сказал бы: “Я себя идентифицирую вне своего государства”. Мы хотим признать себя равноправными гражданами страны. По сути, подразумеваем народ в смысле государственного, территориального сообщества. Информационные компании должны культивировать этнокультурное разнообразие и одновременно “народов много, а страна одна”» (общественник, специалист в правовой сфере, Москва).

«Мне кажется, большинство людей понимает термин “общероссийская нация”, “гражданская” с юридической точки зрения как гражданскую принадлежность, и государство является скрепом всего многообразия. Оно предоставляет равные права, возможности. Есть путаница, она мешает. В Конституции написано “мы многонациональный народ России”, а потом в других официальных документах “общероссийская нация”. То нация в народе, то народ в нации» (активист-общественник, Москва).

В опросе принимали участие и специалисты, которые акцентировали внимание на культурной составляющей российской идентичности.

«Человеку важно ощущать себя частью общероссийской нации. Так ощущает себя большинство россиян, так как это ощущение дает чувство в достаточной степени величия, целостности, масштабности. Ощущать себя частью нации в сегодняшнем социуме конструктивнее в этнокультурном контексте, нежели гражданском, потому что этнокультурный контекст прогрессивно устоявшийся, в отличие от турбулентных политических понятий гражданских общностей» (специалист-этнополитолог, Москва).

Другой специалист, также работающий в сфере межэтнических отношений, заявил:

«С понятием нации в настоящее время у нас не очень просто. В связи с тем, что нация включает в себя не только территориальную и языковую составляющую, но и психологическую, культурную. Я думаю, что российскую нацию надо растить на общих историях всех народов Российской Федерации, общих целях и задачах, совместных победах, национальных праздниках. Это дело очень многих лет» (журналист, Москва).

«Гражданская нация, идентичность – это потребность человека принадлежать чему-то большому и объединяющему. И здесь я бы видел в первую очередь потребность в принадлежности к общей истории. Это чувство какой-то культурно-исторической общности, корней, традиций» (этнополитолог, Москва).

Один из экспертов обратила внимание на то, что в представлениях русских и людей других российских национальностей могут быть определенные различия.

«Смотря у кого спрашивать о понятии российской нации. Скажем, если у этнических русских, то они скажут, что принадлежность к российской нации – это прежде всего принадлежность к русскому государству, к русской нации. Хотя вообще-то понятие такое неопределенное. Они ассоциируют все государство прежде всего с русскими. Остальные народности, которые проживают здесь, скорее всего, будут рассматривать, что это многонациональный народ России, в огромных границах, где живут много национальностей. У меньшинств это будет гражданская принадлежность» (журналист, работающий в этнической сфере).

«Все-таки до сих пор “этническое” и “национальное” представляют в головах у наших людей полную кашу, одно и то же. Поэтому “общероссийский” – это еще не “гражданская идентичность”, может быть, кто-то будет подразумевать под этим все-таки “русский”. Русские опасаются, что российское будет размывать русское. А чуваш что будет представлять? В российской общности они видят единственный выход: им не отказывают в инаковости» (специалист, компетентный в международных интерпретациях нации, Москва).

Интересно, что в республиках и областях, где проводились интервью, такого неоднородного понимания российской идентичности не встречалось, и российская идентичность ассоциировалась с государственным и территориальным пространством. Характерными высказываниями были: *«мы граждане одной страны», «у нас во многом общая история», «мы ответственны за свой край, без этого не будет процветать общая Родина», «у нас общие у всех задачи – борьба с бюрократией, с коррупцией, мы боеем за место России в геополитическом пространстве», «мы – это моя страна, мои соотечественники, друзья, коллеги, ну, словом, россияне. У меня есть друзья в других странах, но Родина-то здесь, я ее чувствую».*

Тезис «Россия – это русское государство» в республиканских интервью не встречался, а объединительные идеи были частыми, если не доминировали. Различия в понимании российской идентичности у русских в республиках и у людей титульных национальностей заключались в том, что первые чаще говорили об общей истории и объединяющей русской культуре и языке, а вторые – о едином государстве, общих интересах развития и благополучия.

Наиболее компетентные специалисты, уверенные в том, что российская идентичность есть, а российская нация – это формирующаяся реальность, характеризовали ее следующим образом:

«Представление о ценности своей страны устойчиво сопряжено с ощущением родины и отчизны. Если респондент причисляет себя к российской нации, он рассуждает о себе как об участнике согражданства. Гражданская нация не мешает существованию национальностей, а они в свою очередь не противоречат российскому единству. Понимание российской нации сопряжено с такими понятиями, как

“уважение”, “доверие”. Те, кто причисляют себя к российской нации, желают такого отношения со стороны других людей, других народов и стран, они верят, что государство принадлежит им, является крепким и проявит уважение к ним как к своим гражданам. Географический смысл термина “российская нация” обретает все более четкие контуры. Имеет значение и название государства, и культурное единство. У нас больше сходства, чем различий. Российская нация в общественном сознании – это единство культурное и политическое» (специалист-этнополитолог, работающий с результатами опросов и прессой, Москва).

Осознание, что «гражданская идентичность – это основа российской нации», прослеживается и в ответе журналистки, пишущей по национальной тематике.

«С принятием этого термина у русских есть проблема. Русское большинство считает, что это ущемляет его, хотя сделать их унифицированными россиянами, но это страшилка. У представителей национальных меньшинств чувство, что они россияне, ярко выражено. Я с ними общаюсь и вижу это. Они этим гордятся: это такое присоединение к чему-то очень большому и сильному» (журналист, работающий в этнополитической тематике, Москва).

«Массовое “мы” отстраивается в сочетании с историей. В одну упаковку завернуты “мы – это те, кто выиграли войну” и “те, кто показали всему миру». Язык – тоже чрезвычайно важная вещь. Я знаю английский, французский, но говорить на родном языке – это удивительная роскошь. Она есть и в Киргизии, и в Белоруссии, и в Украине, и в Армении. Вопрос в том, осознается ли она как роскошь согражданства, когда люди говорят о российской нации. На мой взгляд, даже не будучи представленным в сознании, он является системообразующим. Да, это, конечно, Чайковский, Достоевский, Чехов, Большой театр. Это культурный пласт. Есть действительно культурный код, который объединяет. Меня печалит, когда люди пытаются сформулировать, почему они общность, слишком часто говорят: “Да, мы – это не они!” И дальше “Вот эти – плохие, те – плохие”. Увы, у многих в сознании сейчас – “мы за цену не постоим”. Величие меряется в килотоннах ядерной энергии, количестве штыков. Но есть культура, она единственное, что является сущностным. И еще объединяющим является отношение к закону, проверка закона собственным здравым смыслом. Закон – это бумажка для осмысления. Считаешь его здоровым – ты ему подчиняешься, но если он не делает жизнь лучше, ты ищешь пути обхода. Это тоже наше общее. И никто не знает, что будет завтра, от простого человека до олигарха, но это ситуация нашего времени» (журналист, работавший в конфликтных ситуациях, Москва).

Другой эксперт, специалист из Республики Саха (Якутия), гражданскую идентичность, отражающую общероссийскую общность, воспринимает как активную гражданскую позицию.

«Термин “гражданское самосознание” идет в связке с такими понятиями, как “гордость за страну”, “готовность на определенные шаги для блага государства”. Люди считают, что это осознание своих прав и обязанностей, и им не безразличны события, которые происходят в стране, они в ответе за то, что они делают. Многие очень патриотичны: помогают ветеранам, ездят в приюты, прово-

дят благотворительные дела» (специалист, изучающий общественное мнение, Якутск).

«Общегражданская идентичность, то есть ощущение себя гражданином, в топе, – практически каждый россиянин об этом говорит. Другой вопрос, что представление о том, что такое гражданская идентичность, – это намного сложнее. Россиянами, вроде, все себя считают, но большая часть, кроме каких-то шаблонных стереотипов, честно говоря, не всегда так себя называют. Гражданская компонента в первую очередь конструктивистская: это ощущение себя в качестве гражданина России, достаточно волеизъявления. А вот при изучении ассоциативных связей такая составляющая, как уважение к закону, получает наименьшее место; уважение к правам тоже не столь актуально, и это тревожный момент. При этом на фокус-группах в разных городах и группах населения люди рисуют большую территорию, домик и березку» (социолог-аналитик, специалист, изучающая общественное мнение, Москва).

Как видно из приведенных комментариев, далеко не у всех экспертов, работающих с этнонациональными проблемами, есть полное и четкое представление, что понимают наши граждане под терминами «российская нация» и «гражданская идентичность». Только один эксперт высказался, что этот конструкт не имеет реальности в нашем российском пространстве, тогда как многие говорили об эмоциональных составляющих, которые опираются на культуру, язык, историю, победы; также фрагментарно упоминались такие понятия, как «доверие», «уважение», «общие ценности», «гражданственность», «ответственность».

Следует подчеркнуть, что экспертные интервью подтвердили результаты, которые мы получили в ходе массовых опросов. Отвечая на вопрос «Что Вас больше всего объединяет с гражданами страны?», большинство (согласно мониторинговым исследованиям ИС РАН) называли «государство» – более 60% (по регионам – до 80%), 54% – территорию, 32–37% – язык, культуру, историю, и 30% – ответственность за ситуацию в стране. Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов распространено такое же разнообразие мнений, что и в экспертном сообществе.

Из анализа массовых опросов и экспертных интервью можно сделать вывод, что российская гражданская идентичность требует доформирования: посредством научного и властного дискурса, через сферу образования, СМИ, общественные объединения необходимо перенести ее содержательное наполнение и принципиально важные элементы в массовое сознание.

Гражданская идентичность есть у абсолютного большинства наших граждан (75–80%). Но сильное ощущение связи с гражданами России присутствует не более чем у трети россиян в разных возрастных и образовательных группах. В последнее время в российской идентичности выросли патриотические чувства, базирующиеся на охранительных представлениях. Это обстоятельство подтверждает рост этноцентризма, препятствующего открытости в межнациональных отношениях и ограничивающего позитивное влияние гражданской идентичности на снятие этнического негативизма.

Вместе с тем, по результатам опросов и экспертных интервью, очевиден и тот факт, что позитивные представления о российском сообществе, ценности и цели, объединяющие и дающие основание видеть его определенную интегрированность, все же существуют, что позволяет надеяться на возможное благотворное влияние российской ассоциативной консолидированной идентичности на ослабление этнического негативизма.

Эффект общероссийской идентичности в сфере межэтнических взаимодействий

Межэтнические установки, так же как другие социальные установки, содержат эмоциональную, когнитивную и регулятивную составляющие. В одних сферах взаимодействий больше проявляется эмоциональная предрасположенность к восприятию «иных», а в других – рациональная готовность к взаимодействию. В зависимости от ситуации с различным эффектом действует и регулятивная составляющая. В исследовании RLMS-HSE было предусмотрено изучение межэтнических установок в отдаленных и непосредственных полях межэтнического взаимодействия (производство, семейное общение).

Мы рассмотрели связь ассоциативной гражданской идентичности с межэтническими установками на разные контакты. Оказалось, что и ассоциированные россияне, и те, кто себя такими не считают, практически одинаково согласились с утверждениями «Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке», «Некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу» (таблица 3).

Таблица 3. Отношение россиян с гражданской идентичностью и не ассоциированных с ней к этническим предубеждениям, % опрошенных

Тип предубеждения	Россияне, граждане России	
	Ассоциирующиеся с ними	Не ассоциирующиеся с ними
Согласие с утверждением: Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке	77,5	74,6
Согласие с утверждением: некоторые национальности отличаются агрессивней и склонностью к криминалу	78,0	81,3

Следует отметить, что коэффициент Пирсона подтверждает отсутствие связей. Эти предубеждения обусловлены в значительной мере эмоциональным восприятием этнического разнообразия, которое в значительной степени программируется внешними стимулами – информацией в СМИ, слухами – и рождает фобии, которые могут быть использованы заинтересованными силами для нагнетания напряженности в обществе. Тем не менее присутствие эмоциональной составляющей и в межэтнических установках, и в идентичности, регулирующей такие реакции, очевидно. Любовь к родине, гордость за отечество, присутствующие в российской идентичности, при соприкосновении с иной культурой могут усиливать воображаемые границы, на ликвидацию которых и должны быть направлены образовательные программы и просвещение, при этом привыкание к такому разнообразию может дать только положительная практика общения.

Как уже говорилось выше, на межэтнические установки воздействуют многие обстоятельства, и гражданская идентичность в этом случае представляется как фактор влияния, проявляющийся с разной степенью активности: чем сильнее подключаются когнитивная и регулятивная составляющие в установках людей, тем заметнее они становятся связанными с гражданской идентичностью.

Так, с утверждением «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете» не согласились 62% ассоциированных россиян (не ассоциированных с российской нацией – 51%). Еще более связана общероссийская идентичность с отношением к «иным» в тех ситуациях, когда сильнее задействованы когнитивные установки: в ходе анализа результатов опроса были выявлены различия в отношении к совместной работе под непосредственным руководством чеченца или таджика у ассоциированных и не ассоциированных с гражданами России (таблица 4).

Таблица 4. Отношение к работе под руководством чеченца и таджика у ассоциированных и не ассоциированных с гражданами России, % опрошенных¹¹

Межэтнические установки	Россияне, граждане России	
	Ассоциирующиеся с ними	Не ассоциирующиеся с ними
Отрицательно относятся к работе под руководством чеченца	71	89
Отрицательно относятся к работе под руководством таджика	71	89
Положительно относятся к работе под руководством чеченца	26	12
Положительно относятся к работе под руководством таджика	29	12

Обращает на себя внимание практически полное совпадение отношения к возможному руководителю-чеченцу или руководителю-таджик. В этой установке значимо различаются позиции тех людей, которые заявили о своей актуальной связи с гражданами России, и тех, кто этой связи вообще не чувствует. Это видно и по данным, выраженным в процентах и в коэффициентах связи (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$).

Та же ситуация прослеживается и в отношении соседства. Ответы на вопрос «как бы Вы отнеслись к факту появления среди Ваших соседей следующих новоселов: таджикской семьи, чеченской семьи?» приведены в таблице 5.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о заметных различиях в отношении к близкому или непосредственному контакту с представителями тех национальностей, к которым распространены негативные стереотипы у людей с разной идентичностью. Даже уверенное отождествление себя с людьми, имеющими гражданскую общероссийскую идентичность, не снимает полностью этническую предубежденность, однако она очевидно меньше, и это подтверждается не только процентными различиями в 17–18 процентных пунктов, но и асимптотической значимостью χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$ в отношении иноэтничного начальника или соседства с таджикской, чеченской семьей. Известно, что обыватели нередко заявляют о своем хорошем отношении к белорусам и украинцам, что подтверждается опросами, которые, тем не менее, фиксируют изменение установок под давлением неблагоприятных обстоятельств¹².

¹¹ Данные РЛМЗ (24-я волна).

¹² Примеры трансформаций стереотипных суждений в отношении грузин и украинцев зафиксированы опросами Левада-Центра за 2013–2016 гг.

Таблица 5. **Отношение к соседству с семьями чеченцев и таджиков среди ассоциированных с гражданами России и не ассоциированных с ними, % опрошенных**¹³

Установка на межэтнический контакт	Россияне, граждане России	
	Ассоциированные с ними	Не ассоциированные с ними
Отрицательно относятся к соседству с чеченской семьей	61	79
Отрицательно относятся к соседству с таджикской семьей	60	77
Положительно относятся к соседству с чеченской семьей	39	21
Положительно относятся к соседству с таджикской семьей	40	23

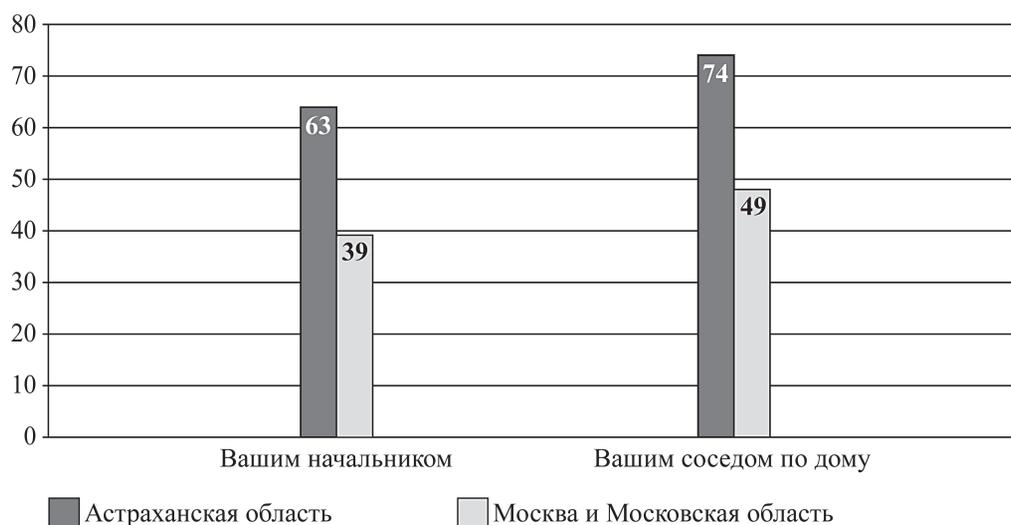

Рисунок 2. **Отношение к межнациональным контактам в Астраханской области, Москве и Московской области. Положительные ответы на вопрос «Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности, стал ...», % опрошенных**¹⁴

¹³ Данные РЛМЗ (24-я волна).

¹⁴ Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации Российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии», 2015 г.

Обращает на себя внимание, насколько могут отличаться установки с выраженной когнитивной составляющей в одно и то же время в разных регионах страны. Согласно выводам Т. Петтигрю и Л. Тропп, межэтнические установки изменяются в лучшую сторону в условиях разностороннего общения между людьми различных культур [Pettigrew, Tropp 2011]. В межрегиональном исследовании нами была установлена значимость не только более плотных контактов (которые не всегда вели к улучшению межэтнических отношений), но и длительных, исторически складывающихся межкультурных взаимодействий на производстве и в бытовой сфере.

Согласно исследованиям 2014–2015 гг., в которых были выделены Москва как территория с быстро увеличивающимся притоком инокультурных мигрантов (в Московской области у респондентов были очень схожие установки) и Астраханская область, где значительный рост числа мигрантов (дагестанцев, чеченцев, казахов) являлся для местного населения достаточно привычным явлением, было установлено, что российская столица представляет собой более индивидуализированное общество, а в Астраханской области чаще встречаются коллективистские нормы в образе жизни – добрососедство, взаимопомощь и совместные празднования. Обнаружено и еще одно отличие: в Москве мигранты определялись как необходимый ресурс, несмотря на то, что СМИ зачастую связывали с ними криминал и распространение опасных болезней, чего не наблюдалось в астраханском информационном пространстве. Вполне очевидно, что в Астраханской области отношение к межэтническим контактам, в отличие от московской агломерации, было лучше. Среди жителей Астраханской области 62% респондентов никогда не испытывали чувства враждебности к людям других национальностей, а в Москве и Московской области – только 44%¹⁵. Также позитивнее было отношение к деловым и соседским контактам (рисунок 2).

При этом неожиданным выглядит тот факт, что для позитивного восприятия межнациональных контактов ассоциативная гражданская идентичность в Москве оказалась менее значимой, чем ожидалось. Как видно из *таблицы 6*, в столице на отношение к назначению руководителя другой национальности гражданская идентичность не оказывает позитивного влияния (и коэффициент Пирсона это подтверждает), также практически отсутствует связь с отношением к соседству. Помимо этого, в Москве с гражданской идентичностью оказалась связанной только установка на недопустимость насилия в межнациональных и межконфессиональных спорах (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$), доля несогласных с этим среди ассоциированных россиян – в 3 раза меньше.

В Астраханской области ассоциирующие себя с гражданами России отрицательно относятся к назначению инонационального руководителя в два раза реже, чем не ассоциирующие, и в целом позитивнее относятся к соседству с семьями с Северного Кавказа (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$ и $p \leq 0,012$ соответственно) (*таблица 6*). Подводя итог, можно утверждать, что гражданская идентичность в России все же является ресурсом снятия этнического негативизма, но поскольку этот негативизм связан не с одним, а многими обстоятельствами, то в одних ситуациях при поддерживающих условиях гражданская идентичность становится действительно значимым фактором, в других – ее действие тормотится.

¹⁵ Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации Российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии», 2015 г.

Таблица 6. **Отношение к назначению начальника другой национальности и соседству с семьей другой национальности в Москве, Московской и Астраханской областях, % опрошенных**

Межэтнические установки	Россияне Москвы и области		Россияне Астраханской области	
	Ассоциированные	Не ассоциированные	Ассоциированные	Не ассоциированные
Положительно относятся к назначению руководителем человека другой национальности	64	74	75	45
Отрицательно относятся к назначению руководителем человека другой национальности	37	26	25	53
Положительно относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	40	27	49	32
Безразлично относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	26	45	27	32
Отрицательно относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	35	28	24	36

Этот вывод подтверждается связью гражданской идентичности с агрегированным показателем индекса толерантности, рассчитанным по данным RLMS-HSE И.М. Кузнецовым¹⁶. Из *таблицы 7* видно, что среди людей, ассоциированных с гражданами России, доля толерантных и нетолерантных почти равновесна, а среди не ассоциированных с гражданами России нетолерантных более чем в 1,5 раза больше (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона подтверждает значимую связь толерантности с гражданской идентичностью).

Таблица 7. **Межэтническая толерантность среди ассоциирующих себя с гражданами России и не чувствующих связи с россиянами, % опрошенных**

Показатели толерантности	Россияне	
	Ассоциированные с гражданами России	Не ассоциированные с гражданами России
Скорее толерантные	54	39
Скорее нетолерантные	47	61

¹⁶ Индекс толерантности рассчитан по средней арифметической от суммы ответов на вопрос о несогласии с тем, что некоторые национальности отличаются агрессивней и криминалом, и с тем, что есть национальности, которые респонденты не уважают, с отрицательным отношением к назначению руководителем дагестанца и к соседству с дагестанской семьей.

Выводы

Гражданская идентичность в России – это весомый фактор в купировании этнического негативизма, но даже признаваемая ассоциированная связь с гражданской идентичностью не снимает всех этнических предубеждений. Это касается прежде всего эмоционального восприятия «иных», «других», по большей части абстрактных и отдаленных.

В условиях, когда задействованы когнитивная и регулятивная составляющие межэтнических установок, представления, связанные с гражданской идентичностью (приоритет закона, права человека, осознание общих интересов, ответственность за ситуацию в стране), начинают «тормозить» негативное восприятие межэтнических взаимодействий. Признание себя ответственным гражданином общества даже при наличии этнических предубеждений блокирует их проявления, в том числе и при ответах в ходе социологических опросов: «“иных” ты можешь не любить, но гражданином быть обязан».

В современной России возможность позитивного воздействия общегражданской идентичности на этнический негативизм сдерживается неутвердившимися в сознании людей представлениями о гражданской нации. Даже среди экспертов, непосредственно связанных с идеологической сферой жизни нашего общества, у специалистов, работающих по этнонациональной проблематике, зачастую отсутствуют четкие представления о том, что такое гражданская нация и гражданская идентичность. Связано это не только с тем, что понятие «нация» долгое время использовалось в этнокультурном смысле, но и с тем, что смыслы гражданской нации, гражданского общества раскрываются лишь односторонне. Например, слово «патриотизм» звучит как национальная идея, но любовь к родине – это только эмоциональная составляющая гражданской нации. Сам патриотизм тоже бывает разный: один – декларируемый, «кричащий», и другой – деятельностный, болеющий, радеющий за людей, страну, государство, родину [Кузнецов 2016].

В настоящее время российскую гражданскую идентичность следует определять как государственно-гражданскую. Можно было бы ожидать, что в этом случае когнитивная составляющая идентичности должна удерживать в сознании людей уважение к закону и правам человека, следование нормам, задаваемым и институтами государства и общества. К сожалению, согласно результатам исследования, когнитивная составляющая российской идентичности представлена неполно, в какой-то мере ущербно, и в этом одна из причин, почему гражданская идентичность проявляет свои функции сдерживания этнического негативизма не у всех и не всегда.

Несмотря на то, что гражданская идентичность в России распространена достаточно широко (75–80%), во многом она категориальна. Люди отождествляют себя с сообществом граждан России, но ассоциируют себя («часто ощущают связь», «ощущают близкую связь») не все (примерно только треть россиян). И даже среди ассоциирующих себя с гражданами России гражданское сознание задействовано не всегда, поскольку человек все же может оказаться в неблагоприятной ситуации или под влиянием различных социальных интересов. В этих обстоятельствах гражданская идентичность является одним из условий поддержания межэтнического согласия: она выступает и в качестве предупреждающего фактора в межэтнических конфликтах, и как элемент, стимулирующий диалоговые решения возникающих противоречий и содействующий интеграции общества.

Государство и общество, ученые и трансляторы идеологии должны прилагать усилия и для разработки самого понимания гражданской идентичности, политической нации, и для совершенствования способов передачи этого понимания

в массовое сознание: такие возможности предоставляют сфера образования, средства массовой информации, общественные объединения. И в этом случае трансляторы сами обязаны быть просвещенными и убежденными специалистами.

Литература

- Варшавер Е.А. (2015) Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 183–214.
- Геллнер Э. (1991) Нации и национализм. М.: Прогресс.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М.: «Весь Мир».
- Гудков Л.Д. (2004) Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ–А».
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад (2011) // http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2013) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2015) ИНАБ № 2. Межнациональное согласие в региональном контексте. М.: Институт социологии РАН // http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf
- Картунов О.В. (1999) Вступ до Етнополитології. Київ: Інститут економіки та господарського права.
- Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2015) // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>
- Кузнецов И.М. (2016) Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. № 7. С. 164–171.
- Лебедева Н.М., Хотинец В.Ю., Выходил А.П., Гаюрова Ю.А. (2003) Психологические исследования этнической толерантности. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета.
- Паин Э.А. (2004) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.
- Смирнова Ю.С. (2007) Пути ослабления предубеждений: возможности и ограничения // Философия и социальные науки. № 4. С. 69–72.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2025) // <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>
- Тишков В.А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука.
- Хухлаев О.Е. (2009) Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами. // Психологическая наука и образование. № 1. С. 5–13.
- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf.
- Erikson E.H. (1963) *Childhood and Society*, New York: Norton.
- Erikson E.H. (1956) *The Problem of Ego-identity* // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, no 4, pp. 56–121.
- Hayesc C. (1966) *Essays on Nationalism*, New York: Russell and Russell.
- Hodson G, Hewston M (eds.) (2013) *Advances in Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
- Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. (2001) *Contemporary Immigration Policy Orientations among Dominant-group Members in Western Europe* // *Journal of Social Issues*, vol. 57, no 3, pp. 431–456.

- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*, London: SAGE publications.
Mead G.H. (1934) *Mind, Self and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
Parsons T. (1991) *The Social System*, London: Routledge.
Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2011) *When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
Tajfel H., Turner J.C. (1985) *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations* (eds. Worchel S., Austin W.G.), Chicago: Nelson-Hall, pp. 7–24.
Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminster Press.
-
-

National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism

L. DROBIZHEVA*

***Leokadiya Drobizheva** – Doctor of Science in History, Chief Researcher, Head of the Centre for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Science; Professor-Researcher, HSE, Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Citation: Drobizheva L. (2017) National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 7–31 (in Russian)

Abstract

This article discusses how national identity in Russia is understood by the public and among experts who study ethnic issues. The author separates the notion of national identity into categorical identity and associative identity (i.e. the consolidating type of identity which is based on a strong feeling of connection with other citizens). The latter type of identity is present only among a third of people who identify themselves as Russian. The author further analyses the connection of this type of identity with interethnic negativism. She finds that national identity does not remove bias towards abstract ‘others’. However, it affects direct interethnic communication in the labour and family spheres. The positive impact of national identity on interethnic attitudes is more apparent in Astrakhan region, which has longer experience of interethnic communication. It is argued that one obstacle to national identity having a positive impact on interethnic attitudes is the lack of a clear and consistent understanding of national identity among education experts, social scientists, and journalists. The study utilizes data from Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) conducted by the Institute of Sociology (“The dynamics of social transformation of modern Russia in the socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts” Wave 4) and several separate regional polls conducted by the Department of Ethno-sociology of the Institute of Sociology, Russian Academy of Science (IS RAS) between 2014 and 2016.

Key words: national identity, state identity, Russian identity, ethnic negativism, interethnic attitudes, interethnic consent, interethnic relations, tolerance

References

- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf, Cop.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Drobizheva L.V. (ed.) (2013) *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Past, Present and Future], Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya.
- Drobizheva L.V. (ed.) (2015) *INAB №2. Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste* [Interethnic Consent in Regional Context], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf, accessed 31 October 2016.
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov). Analiticheskij doklad* (2011) [Twenty Years of Reforms in the Eyes of Russians (Evidence Based on Long-term Sociological Surveys). Analytical Report]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf, accessed 31 October 2016.
- Erikson E.H. (1963) *Childhood and Society*, New York: Norton.
- Erikson E.H. (1956) The Problem of Ego-identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, no 4, pp 56–121.
- Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2015) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [The Russian Society and the Challenges of Time. Book Two], Moscow: Ves' Mir.
- Gudkov L.D. (2004) *Negativnaya identichnost'* [Negative Identity], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM–A».
- Hayes C. (1966) *Essays on Nationalism*, New York: Russell and Russell.
- Hodson G., Hewston M. (eds.) (2013) *Advances in Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
- Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. (2001) Contemporary Immigration Policy Orientations among Dominant-group Members in Western Europe. *Journal of Social Issues*, vol. 57, no 3, pp. 431–456.
- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*, London: SAGE publications.
- Kartunov O.V. (1999) *Vstup do Etnopolitologii* [Introduction into Ethnic Political Science], Kiiv: Institut ekonomiki ta gospodarskogo prava.
- Khukhlaev O.E. (2009) Etnonatsional'nye ustanovki moskovskikh starsheklassnikov v usloviyakh sovместnogo obucheniya s migrantami [Ethno-national Attitudes of Moscow High School Students in the Context of Co-Learning with Migrants]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, no 1, pp. 5–13.
- Kontseptsiya Gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [The Concept of State Migration Policy of the Russian Federation until 2025]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>, accessed 31 October 2016.
- Kuznetsov I.M. (2016) Variativnost' diskursov patriotizma v povsednevnom soznanii rossiyan [Variety of Discourses of Patriotism in Everyday Consciousness of Russians]. *Vlast'*, no 7, pp. 164–171.
- Lebedeva N.M., Hotinec V.Yu., Vyskochil A.P., Gajurova Yu.A. (2003) *Psihologicheskie issledovaniya etnicheskoj tolerantnosti* [Psychological Studies of Ethnic Tolerance], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta.
- Mead G.H. (1934) *Mind, Self and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pain E.A. (2004) *Etnopoliticheskij mayatnik. Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetskoj Rossii* [Ethno-political Pendulum. The Dynamics and Mechanisms of Ethno-political Processes in Post-Soviet Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Parsons T. (1991) *The Social System*, London: Routledge.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2011) *When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.

- Smirnova Yu.S. (2007) Puti oslableniya predubezhdenij: vozmozhnosti i ogranicheniya [Ways of Reducing Prejudice: Opportunities and Limitations]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, no 4, pp. 69–72.
- Strategiya gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [The Strategy for National Policies in the Russian Federation until 2025]. Available at: <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>, accessed 31 October 2016.
- Tajfel H., Turner J.C. (1985) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations* (eds. Worchel S., Austin W.G.), Chicago: Nelson-Hall, pp. 7–24.
- Tishkov V.A. (2013) *Rossijskij narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: the History and Meaning of National Identity], Moscow: Nauka.
- Varshaver E.A. (2015) Teoriya kontakta: obzor [The Theory of Contact: a Review]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 5, pp. 183–214.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminster Press.